

Бегство с позиций великой державы

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(институт Европы РАН)

От редакции

В связи с выходом в свет книги “Горбачев и германский вопрос” (Сборник документов 1986–1991 годов), построенной на материалах, хранящихся в Международном фонде социально-экономических и политологических исследований “Горбачев-фонд”, редакция публикует серию статей, посвященных ее анализу.

Материал подготовлен признанным авторитетом в сфере европейских и германских дел доктором политических наук, профессором, главным научным сотрудником Института Европы РАН, Посланником в отставке И.Ф.Максимычевым.

В период подготовки к объединению Германии и после него автор занимал должность советника-посланника посольства СССР в ГДР (заместителя посла), а затем руководителя Берлинского отделения посольства России в ФРГ (1987–1992 гг.) и являлся, таким образом, не только непосредственным свидетелем, но и участником такого исторического события, как восстановление государственного единства Германии.

Предлагаемый материал проливает свет на многие стороны германского единства и роли в этом процессе Горбачева и его окружения.

Всех, кто так или иначе был причастен к тому явлению в политической жизни СССР, которое получило название “перестройка”, не может не волновать вопрос: в какой именно момент процесс освобождения страны от изживших себя форм общественного развития превратился в демонтаж великой державы?

Вряд ли верны утверждения, будто “перестройка” была предательством с самого начала и ее инициаторы, лишь прикрываясь лозунгами модернизации и придания социализму второго дыхания, готовили на самом деле воцарение бандитского капитализма.

Трагедия заключается именно в том, что “перестройку” ждали, что она провозгласила преобразования, в которых общество в целом испытывало жгучую потребность. Люди встретили начало перестройки с неподдельным энтузиазмом и

“чувством глубокого удовлетворения”, если пользоваться тогдашним суконным языком официальной пропаганды.

Конечно, народная поддержка слабеяла по мере накопления ляпов и нелепостей, допускавшихся “перестройщиками” (стоит вспомнить лишь о чудовищных несоответствиях антиалкогольной кампании).

Однако только безусловный провал августовского “путча” 1991 г., затеянного отчаявшимися и боявшимися своей собственной тени людьми из окружения М.С.Горбачева, продемонстрировал, что символ “перестройки” уже не может рассчитывать на симпатии большинства населения страны.

Оно дружно поддержало его главного политического и личного соперника Б.Ельцина.

Когда же наступил перелом?

Когда общественное сознание стало отказываться видеть в действиях бывшего “носителя надежд” то, что требовалось стране и народу?

Другими словами, когда люди убедились, что “перестройка” начала перерастать в “катастрофу”?

Возрождение “германского вопроса”

Вряд ли можно при современном уровне знания о закулисной стороне дела дать стопроцентно объективный ответ на этот вопрос по всему конгломерату проблем такого сложного процесса, каким была “перестройка”, охватившая практически все внутренние и внешние стороны жизни Советского Союза.

Вышедший недавно в свет сборник документов “Михаил Горбачев и германский вопрос”¹, построенный на материалах, хранящихся в Международном фонде социально-экономических и политологических исследований “Горбачевфонд”, приближает нас к искомому ответу, по крайней мере, во внешнеполитической области, в которой германская проблематика играла для СССР стержневую роль.

Значение сборника заключается, прежде всего, в том, что практически все опубликованные в нем документы выносятся на суд общественности впер-

вые. Не только официальные протоколы бесед с иностранными деятелями, но и обсуждение вопросов, затрагивающих отношения с обеими Германиями, на заседаниях или совещаниях генсека со своими помощниками и советниками проливают зачастую новый свет на обстоятельства, при которых принимались судьбоносные для нашей страны и ее союзников решения.

Эти материалы позволяют хотя бы в первом приближении определить момент, когда попытки так или иначе не упустить из виду национальные интересы СССР сменились явным бегством с позиций великой державы.

Первые документы сборника относятся к 1986 г.

Именно в этом году под впечатлением начальных внутрисполитических разочарований, вызванных противоречивым стартом “перестройки”, Горбачев стал искать “утешения” в острых ощущениях большой политики.

В это же время Запад приступил к постепенному переходу от первоначальной сдержанности (“А вдруг коммунизм действительно воспрянет ото сна?”) к поощрительному отношению к действиям лидера “перестройки” (“А вдруг удастся потеснить главного соперника Запада?”).

Оскорбительная оценка деятельности Горбачева, данная публично Гельмутом Колем* показала, что позитивная трансформация западного восприятия советского руководителя потребует довольно долгого времени. Возможно, опасения затруднить такую трансформацию побудили Горбачева не требовать от Коля извинений, хотя западногерманские социал-демократы настоятельно рекомендовали поставить вопрос об официальном письме канцлера соответствующего содержания. Эгон Бар, ближайший соратник Вилли Брандта**, говорил об этом В.М.Фалину в феврале 1987 г. (С. 35).

На начальном этапе внешнеполитической “перестройки” Горбачев был очень доволен просто тем, что “процесс пошел”.

В беседе с Эрихом Хонеккером, состоявшейся в Берлине в мае 1987 г., он с удовлетворением констатировал, что “ситуация в Европе пришла в движение” (С. 36).

И если раньше целью советской политики было закрепить сложившееся на континенте соотношение сил, сдерживать нарастающий динамизм политики Бонна (ради этих целей Москва последовательно настаивала на отказе всего социалистического содружества

признавать германский вопрос “открытым”), то отныне СССР смирился с разнообразием в действиях социалистических стран в отношениях с ФРГ и считал полезным лишь обмен взаимной информацией о точках расхождения их интересов. Начальная сухость, проявлявшаяся Горбачевым по отношению к Бонну (на заседании Политбюро ЦК КПСС в марте 1986 г. он мотивировал ее так: “Наша линия в отношении ФРГ сдерживает также ГДР. Под давлением экономических факторов в Берлине могут броситься в объятия Западной Германии”). С. 6), довольно быстро сменилась заигрыванием с западными немцами, что объяснялось, главным образом, отказом США смягчить противостояние с СССР.

В беседе с социал-демократическим кандидатом на пост канцлера ФРГ Йоханнесом Рау (июнь 1986 г.) генсек жаловался на Рональда Рейгана***, который продолжает гонку вооружений “не только для достижения военного превосходства, а в основном для экономического изматывания СССР”, и призывал к интенсификации сотрудничества между СДПГ и КПСС “для продолжения политического диалога, прекращения гонки вооружений, выравнивания международных отношений” (С. 8–9).

Официально подобное сотрудничество должно было укладываться в рамки сохранения политического и территориального статус-кво в Европе.

В советском сообщении для прессы о беседе Горбачева с министром иностранных дел ФРГ Гансом-Дитрихом Геншером (21 июля 1986 г.) указывалось: “Выдвигая на первый план вопрос о сотрудничестве европейцев, мы исходим из того, что на-

* Гельмут Коль – председатель ХДС в 1973–1998 гг., канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.

** Вилли Брандт – видный деятель западногерманской социал-демократии, канцлер ФРГ в 1969–1974 гг., председатель Социалистического интернационала в 1976–1992 гг.; В.М.Фалин – советский дипломат, посол СССР в ФРГ в 1971–1978 гг., заведующий международным отделом, секретарь ЦК КПСС в 1988–1991 гг.

*** Рональд Рейган – президент США в 1981–1989 гг.

рушение сложившейся политической и территориальной структуры в Европе привело бы только к ухудшению обстановки” (С. 15).

Однако в ходе внутренних дискуссий все чаще стал фигурировать сильно подзабытый “германский вопрос”. “Главным для нас” на заседании Политбюро ЦК КПСС 25 сентября 1986 г. Горбачев назвал “немецкий вопрос и в Европе, и в социалистическом содружестве”. Правда, в качестве вывода из этой констатации было пока сформулировано лишь пожелание, чтобы “социалистическую интеграцию мы сначала проработали с Хонеккером, а потом уже со всеми остальными” (С. 17).

Однако уже через несколько дней советский руководитель на совещания со своими помощниками перед заседанием СЭВ заговорил о моментах, затрагивавших саму основу существования ГДР.

“Хонеккер жметесь, когда мы ему напоминаем о «стене». Надо поэтому тактичнее об этом сказать – о процессах, которые неизбежны. (...) Может быть, сказать: как, мол, вы смотрите на будущее, на «немецкий вопрос»? Пусть выскажутся. Неуютная для них беседа будет” (С. 18–19).

При этом у Горбачева не было сомнений в том, что усиление позиций ФРГ в Восточной Европе в перспективе связано с реальными опасностями для СССР: “Уязвимы все соцстраны – можно потерять их все. ГДР сильнее других, но перед объединением с ФРГ не устоит...” (С. 19).

Гальванизация “германского вопроса” (первоначально в порядке внутреннего обсуждения) была воспринята в ГДР как удар в спину – там очень внимательно следили за всем, что на всех уровнях говорится и пишется в СССР по германским делам.

В Берлине были неплохо осведомлены о том, что делается в Москве, даже за кулисами. Реакция была соответствующей.

На заседании Политбюро (29 января 1987 г.) вожди КПСС выражали острое недовольство “недружественным поведением” руководителей ГДР, которые свернули свой традиционный лозунг: “Учиться у Советского Союза значит учиться побеждать!” Горбачеву даже пришлось умерять обличительный пыл своих соратников. Он призвал их не драматизировать ситуацию: “Не надо считать, что это (руководство ГДР) уже не друзья. Надо оставаться друзьями. И реагировать спокойно, что бы о нас Хонеккер ни говорил”.

Генсек подтвердил линию на абсолютное невмешательство в дела правящих партий соцстран: “Каждая компартия отвечает за то, что происходит в ее стране. Это надо и нам. Мы заинтересованы в том, чтобы на нас не валили то, что у них происходит и может произойти” (С. 29–30). Показательно, что из факта ухудшения отношений с руководством ГДР Горбачев сделал вывод о желательности сближения с ФРГ.

Уже 2 февраля он формулирует указание МИД и аппарату ЦК: “Не отдавать ФРГ Хонеккеру!” (С. 31).

Через 10 дней Э.А.Шеварнадзе* на заседании Политбюро уже напрямую завел речь о “германском единстве”.

“Идея единой германской нации, – утверждал он, – жива в психологии и мышлении даже коммунистов. (...) Идея единой Германии требует серьезного изучения, научного” (С. 32).

Впрочем, официальная позиция СССР пока не менялась. Во время беседы с приехавшим в Москву президентом ФРГ Рихардом фон Вайцеккером 7 июля Горба-

* Э.А.Шеварнадзе – министр иностранных дел СССР в 1985–1990 гг.

чев подчеркнул: "... Мы не можем не настораживаться, когда мы... то и дело слышим, будто «немецкий» вопрос открыт, что с «землями на Востоке» не все ясно и что Ялта и Потсдам «неправомерны»".

В то же время высказанный советским руководителем во время этой беседы призыв "избавиться от психологии динозавров" явно имел ввиду не только ФРГ, но и противостоящую ей сторону (С. 49, 53).

В беседе с Францем-Йозефом Штраусом* (декабрь 1987 г.) Горбачев подтвердил отказ рассуждать о пересмотре континентального статус-кво: "Разговор об открытом германском вопросе давно стал беспредметен. Чем чаще и настойчивей об этом говорить, тем более строгие и эффективные гарантии безопасности будут требоваться для поддержания нормальной обстановки в Европе" (С. 74). Характерно, что Штраус не удержался от двусмысленной похвалы в адрес собеседника: "Все ожидания немцев в ФРГ подпитываются импульсами, идущими из Москвы" (С. 65).

Характерное для начального этапа "перестройки" видение германского вопроса было наиболее исчерпывающим образом изложено Горбачевым на заседании Политбюро 16 июля 1987 г. при обсуждении итогов визита Вайцеккера в СССР. Генсек не скрывал оптимизма и уверенности в том, что найдена, наконец, точка опоры для того, чтобы перевернуть западный мир, который до сих пор упорно отказывался идти ему навстречу.

"ФРГ – главная страна Западной Европы, – говорил он. – Если сотрудничество с ФРГ возможно, мы можем «держать немцев». А это и в военном отношении имеет огромное значение, в частности для нашей линии сохранения обоих государств (германских) и вообще итогов войны".

"ФРГ – реальность, – продолжал Горбачев, – и не только в европейском масштабе. Перестройка отношений с ФРГ многое могла бы изменить в Европе. Немцы еще не нашли своего места".

"Они нас не совратят, – самонадеянно закончил он, – а мы через контакты с ними будем влиять на Запад и держать соцстраны" (С. 56–58).

Примечательно, что к этому времени термин "немцы" стал использоваться Горбачевым почти исключительно в применении к ФРГ, а ГДР и ее проблемы как-то постепенно исчезали из поля его зрения. В июне генсек говорил, имея ввиду расхождения между руководством СЕПГ и общественным мнением Республики по вопросу о советской "перестройке": "В ГДР у народа отношение к нам очень дружественное. И если бы не языковой барьер, то, когда там находишься, чувствуешь себя как у себя дома" (С. 43).

А вот просьба Хонеккера об экономической поддержке, которую он высказал за две недели до этого, была отклонена.

Между тем хонеккеровское обращение отражало действительно серьезные тревоги руководства ГДР, опасавшегося, что реализация беспрецедентной для всего социалистического содружества программы социального развития Республики (эта программа должна была позволить более слабой Восточной Германии устоять в соревновании с ФРГ) может привести к краху ее экономики.

Хонеккер ходатайствовал о следующем: "Нельзя ли за счет экономии нефти в Советском Союзе увеличить ее поставки в ГДР на 2 млн. т в год и довести тем самым до того уровня, который у нас был согласован, прежде чем

* Франц-Йозеф Штраус – председатель Христианско-социального союза (баварской ветви ХДС), премьер-министр Баварии в 1978–1988 гг.

вы сократили свои поставки. Мы построили большие мощности специально под вашу нефть. К тому же на нашей территории находятся ваши войска, которые мы снабжаем нефтепродуктами” (С. 41).

“Секрет” тут заключался в том, что нефть из СССР поступала по низким ценам, установленным в СЭВ, а продукты ее переработки ГДР поставляла в ФРГ по высоким мировым ценам. Если вдуматься, то плата за предотвра-

щение экономического коллапса главного союзника в Европе представляется отнюдь не чрезмерной. Но вместо помощи восточным немцам был дан совет обратиться за поддержкой к ФРГ. Информирова о своей беседе с генеральным секретарем ЦК СЕПГ, состоявшейся в конце мая в Берлине, Горбачев сообщил на заседании Политбюро 11 июня 1987 г.: “Хонеккеру я сказал: находите общий язык с ФРГ. Она в этом нуждается” (С. 43).

“Скажи мне, кто твой друг...”

Зазывные жесты Москвы в сторону ФРГ не остались без ответа со стороны западных немцев.

Они поступили так, как поступает всякий нормальный игрок на политической сцене – стали набивать себе цену.

Посетивший в январе 1988 г. столицу СССР видный деятель ХДС, премьер-министр Баден-Вюртемберга Лотар Шпэт заговорил о Западном Берлине как об оселке для проверки качества сотрудничества между ФРГ и СССР.

“Есть одна сложная проблема, – заявил Шпэт, – которая нас очень беспокоит и где Советский Союз может нам помочь. У нас появляется слабое место, как только мы становимся активнее в политике.

Речь идет о Западном Берлине, о его четырехстороннем статусе.

Я говорю чисто теоретически.

Стоит нам только более активно начать действовать в том или ином направлении, как США, Франция и Англия в случае, если им эта линия не нравится, сразу же начинают указывать тогда на особый риск, связанный с Западным Берлином. Нам бы хотелось, чтобы Советский Союз во избежание недоразумений начал подходить к Западному Берлину с таких же реальных позиций, с каких он подходит к другим вопросам”.

Поскольку здесь явно имелась в виду политика “засушивания”, которую ГДР

проводила в отношении Западного Берлина, реакция Горбачева была вполне нормальной и предсказуемой: “У нас хорошие отношения с ГДР. Мы хотим хороших отношений с ФРГ, спокойствия вокруг Западного Берлина. Чего же вы еще хотите от нас?”.

Однако встречный запрос был все же сделан (и это равным образом соответствовало правилам игры).

“Мы считаем, – сказал Горбачев, – что развитие Европы на путях мира откроет возможность и для дальнейшего улучшения отношений между ГДР и ФРГ. Ограничения, препятствия появляются тогда, когда возрастает напряженность” (С. 81–82). Если бы такая позиция сохранялась и в дальнейшем, не исключено, что результаты внешней политики Горбачева были бы иными. Но этого не случилось.

Социал-демократы также отметились по западноберлинской проблематике.

Председатель СДПГ Ханс-Йохен Фогель заявил при встрече с Горбачевым (май 1988 г.) о желательности включения Западного Берлина в экономическое сотрудничество ФРГ с СССР: “Будет жаль, если этот город не получит никаких преимуществ от общего улучшения отношений”. Ответ советского руководителя свидетельствовал о

понимании забот собеседника: “Западный Берлин не должен быть мертвым городом. У нас нет таких идей”.

Горбачев добавил, что раскол Европы не может быть преодолен путем “исчезновения некоторых государств” (то есть ГДР), но “при всех противоречиях мы одна цивилизация, и надо учиться жить по-новому” (С. 93–95).

Через несколько дней в беседе с председателем СвДП Мартином Бангеманом Горбачев четко сформулировал свои надежды на поддержку своих усилий со стороны западных немцев: “СССР и ФРГ в значительной мере могли бы сыграть роль архитекторов общего европейского дома, выступить как соавторы добрых начинаний, создать модели сотрудничества двух различных систем, проверить их на практике, продемонстрировать их жизнеспособность и выгодность для всех народов Европы. От такого сотрудничества в политической, экономической, других областях народы наших стран, народы всей Европы только выиграли бы. Об этом убедительно свидетельствует опыт истории” (С. 97–98).

Бангеман с удовольствием внимал повествованию о сияющей будущности советско-западногерманского взаимодействия, но не стал развивать тему: для него, как и для большинства боннских политиков, приоритетный характер сохраняло “освобождение” ГДР, которое открывало бы путь к ее присоединению к ФРГ.

Начиная с беседы с Геншером (июль 1988 г.), Горбачев стал поторапливать ФРГ.

Он настаивал на том, что “необходимо учитывать и фактор времени, стремиться к его продуктивному использованию”, сетовал, что “в политических кругах ФРГ, в правительственной коалиции пока не хватает решимости сделать крупный шаг в направлении нового, многообещающего, сулящего значительную отдачу как для ФРГ, так и для Европы в целом. Дело

выглядит так, будто руководство ФРГ стоит перед дверью, переминается с ноги на ногу, но не отваживается сойти с места, шагнуть вперед”.

Опытнейший политик Геншер отделался в ответ звонкой фразой о том, что “в Бонне считают, что отношения с Советским Союзом имеют для ФРГ центральное значение”.

Гораздо существеннее был его намек на то, что ФРГ выжидает, как скажется “перестройка” на ситуации в социалистическом содружестве.

Он сумел придать этому намеку характер комплимента, сказав в заключение беседы: “... Перестройка в Советском Союзе является делом всех государств и народов Европы. Она никого не оставляет вне сферы своего воздействия, ее импульсы ощущаются во всех общественных слоях” (С. 105–107, 113).

В целом же собеседники договорились отложить серьезный разговор до предстоящего визита канцлера Коля в СССР.

В то время как Москва и Бонн готовились к прорыву в светлое будущее, в отношениях СССР с ГДР продолжалась деградация.

Во время продолжительной беседы Горбачева с Хонеккером (28 сентября 1988 г.), посвященной главным образом экономической проблематике, обнажилась довольно безрадостная картина расстыковки народного хозяйства обеих стран.

Характерный пример привел Хонеккер, рассказавший о ракетах “воздух-воздух”, изготовлявшихся по совместному контракту на одном из предприятий комбината “Карл Цейс” – сроки контракта истекли, а на складе все еще находились 600 ракет.

“Мы теперь не знаем, что с ними делать, поскольку их никто не берет, – продолжал Хонеккер. – А завод, видимо, придется закрыть”.

Представители ГДР были предельно конкретны, но с советской стороны звуча-

ли самые общие фразы. Горбачев даже поставил риторический вопрос: “А почему бы нам не ввести в СЭВ единую валюту?”

Такой же поверхностный характер носил обмен мнениями в связи с предстоящим приездом в Москву Коля.

Генеральный секретарь ЦК КПСС заверил: “Интересы СССР и ГДР для нас равнозначны. Причем подчас именно ваши выдвигаем на первое место”, и продолжил: “Думаю, созрели предпосылки, чтобы нам сделать новый шаг в отношениях с ФРГ. (...) Это может оказать сдерживающее влияние на ФРГ в вопросах ее участия в западноевропейской военной интеграции и особенно военной кооперации с Францией”.

Хонеккеру была обещана подробная информация о результатах переговоров с Колем (С. 124–127).

20 октября, накануне визита канцлера ФРГ в Москву, Горбачев дал интервью западногерманскому журналу “Шпигель”, где попытался примирить надежды на сотрудничество с ФРГ и официальную советскую позицию поддержки существования ГДР. Он говорил, что “судьба немцев неразрывно соединена с судьбами всей Европы, с прогрессом ее в условиях полной безопасности всех и каждого, то есть с перспективами строительства «европейского дома». Любые попытки размыть границы между суверенными германскими государствами, тем более силовые эксперименты в этой области, неприемлемы, а то и катастрофичны” (С. 130).

Мягкость высказываний Горбачева бросалась в глаза.

Западные немцы отреагировали по своему.

При встрече 24 октября 1988 г. Коль немедленно перешел в наступление, настаивая на том, что раскол Германии не вечен: “Мы, немцы, говорим, что раздел не последнее слово истории”. Правда, сразу же последовали оговорки в том смысле, что объединение германских государств – “задача не

нашего поколения” и шанс решить ее будет, возможно, предоставлен “нашим внукам”, однако требование признать право немцев на преодоление статус-кво было заявлено достаточно твердо. Тут же был упомянут и Берлин, который “должен быть полностью включен в процесс развития наших отношений”.

Горбачев предпочел не обострять беседу.

“Мы – за хорошие отношения с двумя германскими государствами на здоровой и долговременной основе, – заявил он. – У нас союзнические отношения с ГДР. И мы ведем линию на то, чтобы были добрые отношения с ФРГ. Что касается советско-западногерманских отношений, то, как я уже говорил, самый трудный период остался позади. Это создает предпосылки к тому, что мы можем выйти на новый уровень отношений”.

Признав существование “проблемы Западного Берлина”, он подчеркнул: “Никто не ставит перед собой цель превратить его в мертвый город” и отклонил лишь попытки “подбрасывать тему Берлина как земли ФРГ”.

В итоге было принято предложение Коля поручить обоим министрам иностранных дел “обсудить некоторые более совершенные формы вовлечения Западного Берлина в сферы нашего двустороннего сотрудничества” (С. 131–134).

Хонеккер не дождался обещанной ему подробной информации о визите Коля в Москву. Подготовленную было передачу в Берлин записей бесед на высшем уровне сорвал А.С.Черняев, помощник Горбачева по внешним делам.

Чрезвычайно характерно, как Черняев мотивировал свой протест против передачи текстов. *Во-первых*, – писал он в докладной на имя генсека, – это было бы прецедентом на будущее, чего следовало избежать; *во-вторых*, Хонеккеру не следовало всего знать о содер-

жании и особенно об атмосфере состоявшихся бесед; *в-третьих*, “у нас все-таки своя политика, отнюдь не идентичная хонеккеровской. Она хорошо просматривается в том, что и как вы говорили Колю. И зачем нам себя связывать?” (С. 136–137).

Возражения Черняева были приняты.

Ограничились передачей Хонеккеру приветов от Горбачева через вылетавшего в Берлин заведующего 3-м Европейским отделом МИД СССР А.П.Бондаренко, которому и было поручено информировать руководство важнейшего европейского союзника Советского Союза об итогах бесед, которые имели прямое отношение к его грядущей судьбе.

В дальнейшем политика Москвы по отношению к ФРГ становилась все более “не идентичной хонеккеровской”.

В беседе с Фогелем (апрель 1989 г.), уже не упоминая ГДР, Горбачев сетовал на то, что “открыть новую страницу” в отношениях СССР и ФРГ оказалось не так уж легко, “процесс этот идет подчас трудно”. В ответ Фогель поставил вопрос о Берлинской стене.

Он заявил: “В «европейском доме» есть комната, разделенная на два помещения. На двери написано «Берлин». Я согласен, что в подъездах и на лестницах дома надо следить за порядком. Но плохо, когда в доме начинается стрельба. Люди должны иметь право свободно перемещаться. Конечно, это перемещение следует каким-то образом организовать, в том числе с помощью полиции. Но она не должна стрелять. Нам хотелось бы, чтобы коллеги в ГДР доверяли себе больше, чем они это делают сейчас, проявляли больше гибкости”.

Реакция Горбачева была более чем двусмысленной: “То, что они недодали вам, мы готовы компенсировать”, – сказал он (С. 143, 149–150).

Визит Горбачева в ФРГ (июнь 1989 г.) был использован обеими сторонами – каждой в своих целях – для демонстрации сближения позиций.

Генеральный секретарь ЦК КПСС остро нуждался во внешнеполитических успехах, чтобы нейтрализовать впечатление от “перестроечных” неудач внутри страны. Поэтому он постоянно подчеркивал “переломный характер” подписанных в Бонне документов.

В беседе с Колем 12 июня он говорил “о прорыве в отношениях, о выходе их из застойного состояния, об утверждении нового мышления”. Однако на осторожное предостережение в адрес ФРГ против вмешательства в дела социалистических стран, в частности в дела ГДР, советский руководитель получил ответ в том духе, что главная опасность исходит от Хонеккера, который “не проявляет склонности к каким-либо изменениям и тем самым сам дестабилизирует обстановку”.

Коль сослался на то, что в ФРГ от канцлера настоятельно требуют “что-то предпринять, чтобы там (в ГДР) ощутили ту свободу, которая характеризует сейчас Венгрию, Польшу и, конечно, Советский Союз”. Он добавил, что “Москву мы сейчас понимаем гораздо лучше, и она нам гораздо ближе, чем Берлин” (С. 157, 161–162).

Видимо, не будет преувеличением сказать, что и для Москвы Бонн стал ближе, чем столица ГДР.

При заключительной встрече Горбачева и Коля 14 июня канцлер открыто рассказал, каким образом он собирается влиять на развитие событий в ГДР.

“...Политика невмешательства – сказал Коль, – может быть двух категорий. Одно дело – сидеть в театральной ложе, наблюдать за всем происходящим на сцене... Другое дело – тоже не вмешиваться, но с сочувствием относиться к происходящему на сцене. Не сидеть в ложе, но и не участвовать непосредственно в действии. Можно взять на себя другие функции. Например, помочь улучшить освещение, идущее

щее на сцену. Оно ведь тоже играет далеко не маловажную роль” (С. 198).

Одергивать собеседника Горбачев не стал. Для Коля это молчание было достаточно красноречивым.

На пресс-конференции 15 июня в Бонне Горбачеву был задан прямой вопрос о “Стене”.

Он ответил так, чтобы не покоробить чувствительность западногерманского руководства: “Сводить к тому, что единственным препятствием на пути к строительству европейского дома является берлинская стена, было бы несерьезно.

Нам придется решить много проблем при постройке европейского дома в интересах всех народов, при этом уважая их выбор, их традиции, их историю, создавая условия для равноправного, взаимовыгодного сотрудничества.

Ничего нет вечного под Лунной. Будем надеяться, что мы на правильном пути.

Стена появилась в конкретной ситуации, и продиктовано это было не каким-то злым умыслом.

ГДР законно решила тогда использовать свои суверенные права. Стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее породили. Не вижу тут большой проблемы” (С. 202–203).

Выводы из заявлений, сделанных Горбачевым в Бонне в плане подтверждения намерения СССР ориентироваться в Европе на ФРГ, сделали все политические силы континента.

Вряд ли можно считать случайным, что между визитом Горбачева в Бонн и кульминацией внутривосточного кризиса в ГДР прошло лишь три месяца. Горбачев охотно не поехал бы в Берлин на празднества 40-й годовщины создания Республики, но отказаться оказалось невозможным.

5 октября Черняев записал в своем дневнике: “М.С. (Горбачев) завтра летит в ГДР, на 40-летие. Очень ему не хочется. Два раза звонил сегодня: выпизал, говорит, текст (выступления) до буквы – в микроскоп ведь будет смотреть... В под-

держку Хонеккера не скажу ни слова. Республику и революцию поддержку” (С. 204).

Это происходило в момент, когда тот же Черняев констатировал: “Вся западная пресса полна статьями о воссоединении Германии”.

Во время поездки в Берлин Горбачев действительно воздержался от того, чтобы публично выразить солидарность с союзником, переживавшим труднейший период своей истории.

Во время беседы с членами политбюро ЦК СЕПГ 7 октября он выразил мнение, что в ГДР будет легче начать перестройку, чем это было в СССР: “У вас нет такой напряженности в социально-экономической сфере. Но принять решение о политических переменах – это тоже очень нелегкое дело. Вас ожидают времена, которые потребуют мужественных решений”.

Далее он повторил формулу, употребленную накануне в разговоре с журналистами и подхваченную всей западногерманской прессой: “Когда мы опаздываем, жизнь нас наказывает” (С. 210–211).

В то же время обострение кризиса в Восточной Германии не могло не заботить СССР.

При встрече с Брандтом (17 октября 1989 г.) в Москве Горбачев не скрывал своей обеспокоенности положением дел в ГДР (“Там теряют время”) и попытался опровергнуть опасения ряда руководителей западных стран в отношении ожидаемых результатов политики Москвы в германских делах, которые считали, что СССР “станет «крестным отцом» воссоединения Германии”.

Совет Брандта добиваться в первую очередь, чтобы “германо-германские отношения” были встроены в общеевропейский контекст, носил общий характер, и Горбачев его игнорировал (С. 228–229).

18 октября в Москву поступило долгожданное известие из Берлина: политбюро ЦК СЕПГ решилось, наконец, сместить Хонеккера.

Однако радость Горбачева и его окружения, считавших, что кризис теперь преодолен, оказалась преждевременной.

Конечно, посетивший СССР 1 ноября новый генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эгон Кренц подтвердил готовность применять опыт советской «перестройки». Однако одновременно он жаловался на неослабевающее напряжение в экономике ГДР.

С советской экономикой дело обстояло еще более неблагоприятно, и поэтому, советуя Кренцу «действовать так, чтобы решения, касающиеся ГДР, принимались в Берлине, а не в Бонне», Горбачев предложил «подумать и о возможности тройственного сотрудничества между СССР, ГДР и ФРГ, особенно в экономической сфере».

Это был косвенный ответ на главный вопрос, с которым Кренц приехал в Москву: «Хотелось бы яснее представить себе, какое место Советский Союз уделяет ФРГ и ГДР в общеевропейском доме? Это очень важно для нас. Мы исходим из того, что ГДР – это дитя Советского Союза, а ведь порядочные люди всегда признают своих детей, по крайней мере позволяют давать им свое отчество».

Трудно, правда, понять, чем можно было восхищаться в тот момент, когда в европейском предполье СССР не без содействия самой Москвы рушились основы безопасности страны, возведение которых стоило ее народу безмерных жертв. Но таким, надо полагать, были настроения и самого Горбачева. В ГДР же основной лозунг демонстрантов на улицах городов республики немедленно трансформировался: вместо «Это мы – народ» они провозгласили «Мы – единый народ».

Германский вопрос недвусмысленно встал на повестку дня международной политики.

Горбачев обещал продолжить линию на сосуществование двух немецких государств, добавив: «Сегодня вопрос об объединении Германии не актуален» (С. 237–240).

Однако всего лишь неделю с небольшим спустя выяснилось, что этот вопрос стал даже очень актуальным.

9 ноября в результате неразберихи в действиях властных структур ГДР пала Берлинская стена (точнее – граждане ГДР в стихийном порядке добились возможности без особых формальностей, а затем и вообще без них пересекать границу между Восточным и Западным Берлином, а также между ГДР и ФРГ).

Комментируя этот факт, Черняев с восторгом записал 10 ноября в своем дневнике: «Рухнула Берлинская стена. Закончилась целая эпоха в истории «социалистической системы». За ПОРП и ВСРП пал Хонеккер. (...) ГДР, Берлинская стена – это главное. Ибо тут уже не о «социализме» речь, а об изменении мирового соотношения сил, здесь конец Ялты, финал сталинского наследия и разгрома гитлеровской Германии... Вот что «наделал» Горбачев. Действительно, оказался велик, потому что учуял поступь истории и помог ей войти в «естественное русло»» (С. 246).

Примечание

¹ Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов. 1986–1991 гг. Предисловие и составление: *Александр Галкин, Анатолий Черняев*. М.: Изд. Весь мир, 2006. – 672 с.